

Ужас из глубин

Рукопись, найденная моряками в бутылке посреди Тихого океана

Я пишу эти слова, находясь в состоянии понятного умственного напряжения, ибо эти страницы будут последним, что от меня сегодня останется. Запасы еды и пресной воды закончились еще два дня назад, и только последняя доза зелья, которая делала мою жизнь все это время терпимой, до сих пор сдерживает меня от того, чтобы я не сделал необдуманного шага. И если я раб этого зелья, не надо считать меня слабаком или деградирующим человеком: только в таком состоянии я способен здраво мыслить. Прочитав эти строки, вы, наверняка, сможете догадаться, но никогда до конца не поймете, какой кошмар я испытываю, находясь в данный момент в одиночестве в огромной подводной лодке, из труб которой я до сих пор слышу голоса мертвых...

Пятнадцатого марта 1925 года я, Майкл Артхейт, один из самых знатных людей Великобритании, отдал большое количество денег на покупку собственного корабля с установленной на него военной субмариной, небольшой, но хорошо обученной командой и огромных запасов провизии, которой хватило бы, как минимум, на полгода путешествия в открытом море, если все будет есть, сколько влезет. Лишних проблем с таким внезапным решением не возникло, стоило мне заплатить нужную сумму. Однако один кораблестроитель в порту Лондона все же спросил меня незадолго до моего отбытия, пока я проводил на родной земле свои последние минуты, выпивая и не ожидая, что это дьявольское дно станет моей могилой:

- Молодой человек, как опытный моряк, осмелюсь сказать вам, что вы играете с огнем, раз решаетесь отправиться в неизвестное морское путешествие. Наша страна переживает тяжелые времена, и мне даже страшно представить, сколько денег вам пришлось отдать, чтобы получить необходимые разрешения. Пожалуйста, назовите мне причину вашей страсти променять родную Англию на кошмарные воды Тихого океана?

Скорее всего, в тот момент выпивка решала, что я отвечу, поэтому я улыбнулся и показал старику свой медальон.

- На днях я получил очень заманчивое послание, в котором был этот медальон и письмо. В последнем указывались координаты, и была аккуратно выведена фраза: «Получи все, стань богом нового мира». Конечно же, я не поверил и пошел к знакомому ювелиру, чтобы тот оценил эту драгоценность... И оказалось, что одна эта вещица способна окупить три четверти всех тех денег, что я отдал на корабль, подлодку, команду и провизию вместе взятые! Полагаю, что где-то там, куда указывают эти координаты, можно найти целый тайник, набитый такими же сокровищами. И я собираюсь получить их.

Старик осмотрел медальон тщательно, прищутив глаза. Вещица размером была с ладонь, и вся его поверхность была исписана непонятными значками. Я

даже не был до конца уверен, что это какие-то слова, потому что при всей моей образованности я никогда прежде не видел такого языка. Один мой друг – талантливый лингвист – впал в недоумение при виде этих записей и не смог соотнести их с известными формами других языков. Материал, из которого медальон был сделан, тоже представлял серьезную загадку, ибо зеленовато-черный камень с золотыми и радужными крапинками и прожилками не был похож ни на что известное геологии и минералогии. Думаю, именно поэтому он так высоко был оценен ювелирами.

- Друг мой, - вернув мне медальон, покачал кораблестроитель головой, - у вас и так большое состояние. Сдались вам эти сокровища! Прошу, послушайте, не нравится мне все это. Не нравится. Все воды уже какой день волнуются, хотя штормов все нет, да еще и та странная болезнь напала на Лондон – Боже, храни королеву – бросьте вы это опасное дело, да переждите это страшное время дома, в безопасности. Вы – хороший человек, и я не хочу, чтобы с вами что-то случилось.

Та болезнь. Старик имел в виду странную и непонятную напасть, от которой люди страдают уже в течение тринадцати дней. Практически каждую ночь все, кто заразился этим недугом, видели по ночам очень странные – и даже ненормальные – сны. Проходя по Уайтчепелу, нередко можно было услышать рассказы о великих титанических городах из колоссальных каменных блоков и о вздымающихся до неба монолитах, истошающих зеленую слизь и зловещий ужас. Многие, почти все, не выдерживали тех неизвестных страданий, что они испытывали в своих больных сновидениях, и они сходили с ума либо умирали прямо в своих постелях с глазами, широко раскрытыми от испуга, убившего их.

- К счастью для меня, смею донести до вашего сведения, - ответил я все так же достопочтенно, - что я абсолютно здоров: физически и душевно. И неизвестно еще, сколько продлится эта страшная болезнь, так что, мне кажется, для меня будет только лучше, если я буду вдали от Англии, вдали от напасти. Так почему бы мне не совместить полезное с приятным? Вы глубоко ошиблись, сказав, что у меня большой капитал. Денег много никогда не бывает, однако мне ужасно интересно, могу ли я быть первым человеком, у которого этих самых денег станет в избытке? Если одна монета оценивается так дорого, то представьте, сколько будет стоить... сундук таких монет. Да, черт возьми, можно будет купить целую страну да назвать ее в свою честь!

Старик не стал со мной спорить. Он просто посмотрел на меня с печалью. Сначала я думал, что он грустил, потому что не смог отстоять своей точки зрения... Однако теперь, когда я слышу, как скрипит где-то в темноте металлический пол, я понял, что он мне сочувствовал. И не зря.

Мы отплыли ранним утром без провожатых, когда Лондон еще спал, а его жители видели все те же безумные кошмары. Оставляя капитана отдавать приказы команде, я обычно спускался в трюм, направляясь в свою каюту.

Именно в ней я проводил большую часть своего времени, в отдалении от людей, наедине со своим медальоном. Каждую минуту я не переставал думать об этом великом сокровище и о том, как прославит оно мое имя. Держа у себя на ладони доказательство того, что относилось к чему-то страшно далекому от всего известного человеку, я вскоре начал размышлять над темами, сильно переходящими грань естественного. И очень быстро человеческое существование в моей душе померкло пред неизвестными созданиями Вселенной, для которых тысячелетия нашей жизни может приравняться к одному вздоху.

Спустя три недели мои размышления о великом и неподдающемся человеческому разуму были прерваны матросом, который попросил меня подняться на палубу и взглянуть на что-то. Думая, что это наверняка какая-нибудь крупная рыбешка, я без особого энтузиазма покинул свою каюту, но мои догадки не подтвердились. В тот самый момент наш корабль остановился недалеко от другого корабля, тоже английского. Капитан начал убеждать меня, что нам стоит с ними связаться, чтобы узнать о том, как дела на море, и можно ли у них чем-нибудь поторговать. Несмотря на свои изначальные протесты, я плюнул и решил: чем быстрее – тем лучше.

Однако этому не суждено было случиться вследствие странных и очень жутких причин. Как мы ни старались, связаться со стоящим на воде кораблем так и не удалось. Все, что доносилось из радиации, это противное, раздражающее шипение. Заподозрив что-то неладное, команда решила приблизиться к судну вплотную и спуститься на его палубу, чтобы понять, почему никто не отвечает. Когда дело было сделано, и мы перешли с одного корабля на другой, нами всеми овладела необычная, нагнетающая атмосфера чего-то неизбежного и очень опасного.

Сначала мы было решили, что на судне попросту никого нет и, судя по общей нетронутости корабля, не было слишком давно. Ни души. И какое же удивление поразило всех нас, когда мы увидели на носу стоящего молодого матроса: его руки вцепились в поручни. Капитан попытался поговорить с ним, заранее положив руку на рукоять старого револьвера военного времени, но ответа не последовало. Вывод оставался только один, и мертвецки бледная кожа матроса только подтверждала это: парень умер, и умер он каким-то непонятным образом. Мои матросы обыскали его и нашли в кармане аккуратный сверток из толстой ткани, в котором, когда его развернули, оказался старинный ключ. Было приказано отправить несколько человек на обыск таинственного корабля-призрака с целью найти что-то, что этот ключ сможет открыть. Слишком долго бегать не пришлось. Через каких-то пятнадцать минут матросы вернулись, держа вместе громадный сундук. На вопросы, как они смогли найти так быстро, они просто ответили, что сами не поняли.

Когда мы открыли этот сундук и увидели внутри него крошечный завязанный мешочек, странная смесь разочарования и неподдельного интереса разыгралась во мне. Что же могло храниться под таким крепким замком? Я разорвал мешочек и, высыпав в руку его содержимое, обнаружил, что это было около двух десятков древних монет, в точности до материала повторяющих мой медальон. Дыхание мое перехватило, а сердце в груди забилось чаще, когда я увидел эти уменьшенные копии моего сокровища, о котором, как мне казалось, было известно только мне. Я ощущал всем телом, как от команды исходила зловещая аура подозрения в мою сторону, но пока я платил им, спрашивать меня ни о чем не стали. И меня это вполне устраивало.

Когда тело погибшего выкидывали за борт, произошло нечто необычное, серьезно взволновавшее команду. Глаза трупа были закрыты, однако когда его волокли к перилам, они распахнулись, и многим показалось, что они пристально и насмешливо посмотрели на Андерсена и Фрая, склонившихся в тот момент над телом. Боцман Моффат, человек уже в зрелом возрасте, покрывшийся морщинами, был поражен этим явлением больше всех. Его настолько потряс этот взгляд, что он продолжал следить за мертвецом, упавшим в воду, и затем начал клясться и божиться, что когда он погрузился в воду, он расправил руки, приняв позу пловца, и направился под волнами на запад, в сторону Англии. Мне и капитану Кэмпбеллу не понравились эти проявления крестьянского невежества, и мы устроили выволочку команде, особенно Моффату, который даже после долгих споров не отказался от своих слов и повторял, словно сумасшедший: «Я видел... я видел... видел...»

Прошло еще пару недель после того как мистический корабль без единого живого человека скрылся за горизонтом, но беспокойство команды становилось все серьезнее из-за бесконечной болтовни боцмана Моффата, который если раньше просто напоминал сумасшедшего, то теперь он был просто невменяемым. Его разум помешался, городил бредни о мертвецах, что плавают за бортом и следят за ним из-под воды горящими глазами, и что он узнал в них тех его хороших друзей, кто погиб в результате Первой мировой войны. А главным среди этих плавающих трупов был ни кто иной, как тот самый матрос, что мы нашли и выбросили за борт. Команда, которая и без того была мрачной, не обрадовалась тому, что капитан Кэмпбелл решил приковать боцмана и устроить трепку, дабы поддержать дисциплину.

Я не стал в этом участвовать. Мне вдруг стало дурно и я, оставив всех на палубе, отправился в свою каюту, чтобы убедиться, все ли в порядке с моим медальоном. Когда я спустился в трюм и открыл дверь в свою каюту, я сразу увидел юнгу. Мальчик лет пятнадцати, с красивым лицом и светлыми волосами, стоял, склонившись над моим письменным столом, и обеими руками сжимая мое сокровище. Странная злость, внезапный порыв гнева овладел мной в тот момент, что не случалось со мной никогда прежде. Я подлетел к парню,

сжав одну руку в кулак, но в последний момент успел сдержаться и, забрав себе свой медальон, вежливо попросил мальчика исчезнуть. Юнга просто улыбнулся и ускакал куда-то, оставив меня одного.

Но на следующее утро, когда я проснулся и поднялся на палубу, я вдруг узнал, что этот самый мальчик бесследно пропал, словно его и не существовало никогда. Многие не смогли перенести и это, и первым, что они предъявили в один голос, это то, что мой медальон и найденные нами такие же монеты прокляты, и что их необходимо немедленно выбросить за борт. До сих пор помню, какой адреналин бил в моей крови в тот момент, когда группа отчаявшихся матросов обошла меня полукругом, собираясь силой вырвать из руки мое сокровище. И они бы это сделали – в противном случае, они выкинули б медальон вместе со мной, - если б в тот момент не громынул выстрел. Капитан встал между мной и своими подчиненными с револьвером, от дула которого исходила белая дымка, и направил свое оружие на моих возможных убийц.

- Хватит с меня ваших суеверных предрассудков! – Крикнул он, пытаюсь пробудить в одичавших от страха безумцах остатки их человечности. – Сейчас же! Все возвращайтесь к своим обязанностям!

- И забыть про Джона? – Спросил кто-то из матросов грозно про пропавшего юнгу. – Я вчера был в трюме и мельком увидел через приоткрытую дверь, как Джон находится в каюте с этим богатеем и держит этот чертов медальон! Я поначалу вообще подумал, что он, - бородатый мужик показал на меня, - придушит паренька на месте: такими зверскими были его глаза. Скорее всего, он ночью и убил Джона, да тело бросил на корм рыбам, чтоб улик не осталось. Говорю вам, этот человек доведет нас до кончины, потому что он - полное воплощение всех кошмаров, что с нами были! И медальон его проклят, и найденные монеты, и деньги его, да и сам он тоже проклятый, что несчастья приносит. Сами посмотрите: с момента, как эта тварь поднялась на корабль, солнце ни разу не выглянуло из-за черных туч... Ну, что молчишь?! – Обратился он ко мне, стоявшему неподвижно и смотревшего прямо в его обезумевшие глаза, как бы подначивая его на свершение возможного преступления. – Гляньте... этот демон даже не моргает... Если его не убить, то мы все тутдохнем, и никто не узнает! Дайте я это сде...

Мои уши мгновенно заложило от мощного и громкого выстрела. Капитан с серьезным лицом держал свой револьвер в вытянутой руке направленным к бородатому моряку и приказал, чтобы последнего заперли в отдельной каюте, я внезапно ощутил в своей душе странное спокойствие: скорее всего, это недопустимое чувство родилось от того, что я теперь знал, что никто не попытается меня убить. Да и вся остальная команда теперь не осмелится на подобное, боясь повторить судьбу члена своего экипажа. Никто никак не прокомментировал то, что капитан Кэмпбелл только что лишил свободы

собственного подчиненного. Лишь только один из команды спросил, ни к кому толком не обращаясь:

- Можно я хотя бы возьму себе его вещи? Чего добру без дела лежать.

Целую неделю мы все были на нервах, рассекая водную темную гладь на неторопливом корабле. Напряженная обстановка только усугубилась таинственным исчезновением Моффата и Тейлора, без сомнения, покончивших с собственными жизнями из-за навязчивых страхов, хотя никто не видел, как они бросались за борт. Исчезновению Моффата я был искренне рад, - а подобные чувства я в последнее время почти не испытывал, - даже просто его молчание влияло на команду неблагоприятно, и даже устрашающе. Вся команда стала неразговорчивой, словно подавленная тайным ужасом, и теперь они не обменивались даже короткими репликами. Еще хуже было от того, что на нашем судне внезапно объявились люди, заболевшие той самой напастью, что сейчас терроризирует весь Лондон дурными сновидениями. С каждым днем заболевших становилось все больше, но проблем никто не доставлял, лишь изредка слышались слабые стоны по ночам. К счастью для меня, мой сон всегда был крепок, и его не нарушали никакие нездоровые кошмары о циклопических руинах древних неземных городов, о которых потом рассказывали матросы по утрам.

Взрыв в машинном отделении в половину третьего ночи оказался для всех полной неожиданностью. Никаких проблем с работой машин или персоналом отмечено не было, и все же корабль тряхнуло жутким ударом, пробудившим всех в то время. Капитан Кэмпбелл помчался к месту поломки и обнаружил там, что топливные цистерны повреждены, двигатель весь разворочен, а вся бригада механиков погибла. Наше положение внезапно стало критическим, ибо в последующие минуты в корабль из множества пробоин стал поступать бесконечный поток воды. Наспех одеваясь и стараясь удержать равновесие на тонущем судне, я сразу побежал к подводной лодке, которая уже готовилась к погружению. Внутри нее было всего лишь девять человек, включая меня и капитана Кэмпбелла, но дожидаться остальных времени не было, если только мы не планировали погибнуть вместе с ними. И так, мы избежали ужасной смерти, даже не зная, как объяснить смерть механиков и внезапную поломку оборудования.

С момента аварии прошло три дня, и наша подлодка продолжала дрейфовать на восток. Вдруг с той стороны прилетела огромная стая морских кричащих птиц, и океан начал становиться беспокойным. Сначала было решено просто переждать непогоду, заdraив люки, но затем стало понятно, что следует немедленно погрузиться, чтобы огромные волны не перевернули лодку. Погружение оказалось неглубоким, и когда через пару часов море вновь стало спокойным, мы попытались всплыть. Однако лодка отказывалась это делать, несмотря на все старания оставшихся в живых двух механиков. Это подводное

заточение накалило атмосферу всей команды, и некоторые начали снова припоминать мой медальон и неизвестные монеты, но вид револьвера поставил их на место.

Это было вполне ожидаемо, но в момент, когда на судне разгорелся бунт, я просто не мог предположить, что подобное вообще возможно. После того как бесследно исчез еще один член экипажа, шестеро дикарей, зовущих себя моряками, захотели заставить меня с капитаном врасплох и отомстить нам за то, что мы, как они утверждали, «тянем их в морскую могилу вместе с собой». Потеряв все свои человеческие качества, - что и держало нас на вершине пищевой цепи, - эти звери крушили мебель с приборами и выкрикивали разные проклятья в мой адрес, а в частности, в адрес моего сокровища. Никакого выбора не оставалось, мы с Кэмпбеллом знали, что бесполезно пытаться успокоить их, поэтому капитан закрыл бунтовщиков в небольшой каморке. Но когда наступило утро, и мы проснулись, все шестеро моряков исчезли. Мы выбросили вещи пропавших через торпедный аппарат, потому что субмарина больше не могла всплывать, и остались на судне вдвоем, отлично зная, что с нами все будет в порядке, потому что мы – самые разумные, идеальный пример человеческого вида.

И как разумный вид, мы принялись размышлять, как нам следует поступать дальше, потому что подлодка продолжала уверенно спускаться ко дну. Это было самым странным, никаких серьезных поломок не наблюдалось, и ни капитан без корабля, ни, тем более, я не мог дать логичное объяснение этому странному происшествию. К счастью, еды и воды у нас было в достатке, так что мы не боялись помереть от голода и жажды, а набрасываться друг на друга в порывах безумия нам бы не позволили наши нравственные качества. Да, в таком человеке, как Кэмпбелл, я, можно сказать, увидел самого себя. Но как бы там ни было, решения на задачу «как нам выбраться из морского плена» так и не появлялось, а с каждым днем подлодка погружалась во тьму пучины все глубже и глубже.

В течение нескольких дней мы с Кэмпбеллом пытались поддерживать общение, чтобы не лишиться рассудка. Время от времени беседовали на самые разные темы, часто играли в шахматы, которые я успел с собой захватить во время крушения корабля. И хоть капитан не был мне ровней по интеллекту, с ним играть партии было куда интереснее, чем с самим собой. В остальное же время я в основном сидел в небольшой каюте и читал книги, а мой «сокамерник» раз за разом осматривал оборудование. Затем я начал замечать, что его разум становится все мутнее. Скоро он начал твердить о нашей неминуемой смерти, а также часто молиться в раскаянии за все те грехи, что он совершил. Постепенно ему становилось все сложнее держать себя в руках, иногда часами смотрел на монеты, найденные на пустом корабле, и плел невероятные истории о затерянных и бесследно исчезнувших в море, которым

позавидовал бы любой писатель-фантаст. Говоря короче, теперь каждый раз, когда я ложился спать, я прятал под подушку револьвер, исчезновение которого Кэмпбелл даже не заметил.

Наконец, после немногих, но казавшихся бесконечно долгих дней, бывший капитан окончательно потерял рассудок, и произошло это так внезапно, что я чуть было не застрелил его, когда он ворвался в мою каюту, где я спокойно читал книгу. Бормоча что-то нечленораздельное под нос, он осторожно выглянул из-за двери, словно бы за ним что-то следило, затем подошел ко мне и ухватил за руку, приговаривая шепотом:

- Быстрее пошли за мной, ты обязан это увидеть! Обязан... Я... я видел Его, или даже Их, в иллюминаторе. Им... Им нужна наша помощь, и только мы можем помочь. Быстрее!

Только осознав то, что этот сумасшедший решил открыть люки и подняться на палубу вместе со мной, я вернул себе контроль над своим телом, когда мы вышли из каюты, оттолкнул от себя Кэмпбелла и, боясь переходить на резкий тон, попытался его успокоить. Сказал, что ему нужен отдых, но тот оставался непоколебим в своей самоубийственной мании.

- Как можно отдыхать, зная, что мы должны помочь!?! Они ПРИКАЗЫВАЮТ!! Миллиарды лет Они жили здесь, дожидаясь времени, когда наконец сбросят с себя оковы океана. И теперь я слышу Их, и я собираюсь выпустить их. С тобой или без тебя! Это не безумие, если ты об этом сейчас думаешь, а моя обязанность подчиниться Им, тем, кто спит, но должны проснуться...

Думаю, было вполне очевидно, какой выбор мне следует сделать. Не желая в критической ситуации оставаться один на один с сумасшедшим, я позволил ему совершить свое самоубийство, решив, что душа его теперь и так мертва, а тело капитана, ставшее куклой разрушенной психики, могло представить мне угрозу. Когда Кэмпбелл поднялся по трапу в шлюзовую камеру, я спросил его, не хочет ли он поделиться со мной своими последними словами, но в ответ услышал лишь жуткий, холодный смех. Я подошел к рычагам и, делая время от времени в своих движениях положенные паузы, обрек его на смерть. Когда стало понятно, что он все же покинул лодку, я включил прожектор в попытке узнать, расплющило ли его тело на такой глубине. Но сколько я не старался и не водил лучом мощного света по черной океанской бездне, в которой я находился, бывшего приятеля найти мне так и не удалось...

Весь остаток того дня я провел, лежа на койке и неотрывно пронзая взглядом свой медальон. Отсутствие собеседника навевало неотвратимую грусть, и только тщательное изучение значков, выгравированных на моем сокровище, позволяло мне хоть как-то отвлечься. Хоть понятно так ничего и не было из того, что написано, я вдруг отметил, что этот неизвестный язык по-

своему прекрасен. Ночью я не смог даже сомкнуть глаз, и просто смотрел во тьму, окружавшую меня, как и мою подлодку, со всех сторон. Что-то со мной произошло в тот момент, ибо именно тогда я начал размышлять о неминуемом конце и о том, что у меня нет никаких шансов на спасение.

События последующих продолжительных дней, что случились со мной на погружающемся судне, я могу описать только так: настоящий, пронзающий плоть ужас, который, непонятно, произошел наяву или же являлся плодом кошмаров. Не имея больше никаких сил на бодрствование, я спал, не видя никаких сновидений, как вдруг из сна меня вытащили непонятные, даже недопустимые при таких обстоятельствах, звуки. То, что сначала казалось просто разыгравшейся фантазией, вскоре оказалось реальностью. Я точно слышал странные шорохи и шепотки непонятно откуда. Но они сразу прекратились, как только я поднялся с койки, готовясь провести проверку.

Сказав себе, что это все же плод воображения, я снова заснул, но на следующую ночь повторилось то же самое. Каждую ночь я не спал, а слушал, как из мрака, из черных металлических коридоров доносятся тихие, но пугающие до мурашек звуки, словно кто-то скребет коготками по железу. Две ночи, если верить моим часам, я пробыл в таком состоянии, но потом сил терпеть это у меня не осталось. Один раз я встал на ноги, вооружившись фонариком, и окончательно решил убедиться, что кроме меня на этом судне больше никого нет. Пытаясь выйти на источник шорохов, я обошел всю подлодку, начиная от машинного отделения, где все было в порядке. И только закончив осмотр в рубке, - а звуки тем временем продолжали действовать на нервы, - я понял, что эти шорохи и шепотки доносятся сразу со всех сторон без каких-либо обоснованных причин. Боясь самого страшного - того, что я все-таки сошел с ума, как и Кэмпбелл, я упал прямо на пол в рубке и зажал уши ладонями, но звуки не прекращались, а только продолжали царапать, скрестись, бормотать и стучать еще громче. Затем все замолкло, будто по щелчку пальцев, и по всей субмарине пролетел громкий, пронзительный, полный страдания и боли крик. По внезапной боли в горле я понял, что это кричал я.

Когда я уже было решил, что мой «срыв» вернул мне здравомыслие, на следующую ночь меня снова разбудили эти шорохи. В этот раз я опять покинул свою каюту, закрыв за собой тяжелую дверь, и сам не зная зачем, побрел в рубку. Не понимаю, зачем я это делал, будто бы какая-то неведомая сила вбила мне в голову, чтобы я пришел сюда для чего-то. И причина, как оказалось, была. Я сперва не поверил глазам, когда увидел за толстым стеклом тощий силуэт человека. Мгновенно подбежал к прожектору и, включив его, я увидел то, от чего по моей спине как будто провели холодным острием кинжала. Яркий луч света выхватил из темноты скелет, зависший всего в метре от подлодки и смотрящий прямо в мои глаза пустыми черными глазницами белоснежного черепа. Это и без того было страшно, но когда я заметил на нижней челюсти

скелета три золотых зуба, меня охватила паника, ибо такие зубы были только у Кэмпбелла. Не зная, что думать об этом, даже не желая предполагать, что могло так обглодать кости моего бывшего товарища, я вернулся назад в каюту и вдруг обнаружил, что дверь раскрыта нараспашку. Но я ведь ее закрывал! После этого я начал припоминать, что на подлодке помимо этого точно так же кое что изменилось: сменила свое положение мебель, начала пропадать еда, часто на стеклах иллюминаторов можно было различить царапины. Неопикуемый липкий ужас сжал меня железными тисками, когда я осветил фонариком все помещение каюты, и непроизвольный облегченный вздох вырвался из груди, когда я никого не нашел и просто обвинил себя в трусости. Я лег на койку и закрыл глаза, как вдруг услышал, как за дверью раздаются неторопливые шаги, хлюпающие по полу. Затем металлический скрип медленно открывающейся двери. Решив немедленно схватить револьвер и убить эту тварь, чем бы она ни была, я раскрыл глаза, и затем все внутри меня умерло, застыло. Одеяло на уровне моей груди стало подниматься, и в следующую секунду на меня набросился живой скелет Кэмпбелла, покрытый зеленоватой слизью, что и издавала хлюпающие звуки... А потом я проснулся.

Стало понятно, что мой рассудок, который раньше являлся моим главным качеством, обернулся против меня и теперь норовит высосать из меня душу, насылая на меня сумасшедшие галлюцинации. И я знал, почему так произошло. Я понял это сразу, как только начал видеть в своих снах циклопические безобразные города и парящие в воздухе монолиты, из которых текла такая же зеленая слизь, которой был покрыт скелет, что мне приснился. Значит, болезнь, что поразила весь Лондон, теперь добралась и до меня. Неизвестно почему, неизвестно каким способом и когда конкретно, но гораздо сильнее меня волновал сам факт наличия этой напасти, и теперь моя жизнь окончательно превратится в сущий ад, если только я не соберусь пойти на отчаянный шаг. Порывшись в запасе медикаментов, я все-таки нашел, что искал, и с той самой минуты только определенные препараты помогли мне крепко спать и держать свой заболевший рассудок под контролем, хоть цена за это и дорога.

Спустя еще несколько дней, которые прошли более-менее спокойно, благодаря ежедневному внутривенному введению «зелья», произошло то, о чем я позабыл давным-давно, судя по ощущениям, потому что теперь я не знал, день сейчас или ночь. Я сидел в своей каюте и рукой доставал из железной банки остатки своего обеда – или ужина, - когда мою субмарину внезапно потрянуло, словно в ее дно что-то ударило. И каким же великим было мое удивление, когда я вбежал в рубку и понял, что лодка, спустя неизвестно сколько дней погружения, наконец-то достигла дна Тихого океана. Но еще сильнее мою оскверненную душу поразило то, что прямо перед ней находилось нечто, очень высокое, похожее на гору, но только через полчаса тщательного взора и попыток доказать реальность всего этого, я понял, что подлодка

приземлилась на каменную площадку перед дверями колоссального здания, наверное, храма, вырубленного в утесе. Гигантизм всех этих колонн, фриз, непонятных скульптур и дверей казался просто невозможным в мире, но отрицать такое было еще невозможнее. Это место, очевидно, было построено не людьми, а кем-то, кто жил тут задолго до появления нашего вида... А возможно, живет и до сих пор. Просто спит.

Целый день я провел в абсолютной темноте, истязаемый разного рода мыслями и призраками прошлого, так и разрывающих на куски мои остатки былой выдержки. Когда энергия в моем фонарике закончилась, я остался совершенно спокойно сидеть на месте, сжимая в руке свой треклятый медальон, и размышлять о неминуемой никаким образом смерти. Мой угасающий разум проигрывал события прошлого и выявил нечто странно-интересное, что обратило бы в ужас любого. Я включил прожектор субмарины, направил его прямо на храм и обнаружил, что создан он точно из такого же материала, что и мой медальон, и те монеты с корабля-призрака. Совпадение было странным, и я попросту не знал, как возможно связать все кусочки пазла в единую картинку. Ощувив потребность в отдыхе, я «заправился» последней дозой и заснул на полу. И во сне я видел воспоминания. Видел себя, как пассажира того корабля, что нашел монеты и являлся единственным выжившим, кто вернулся в Лондон, притащив с собой проклятый медальон и кошмарную болезнь вместе с ней. Затем видел себя, терзаемого ночными кошмарами, потом – как юнга Джон погибает по моей вине, и тот упал за борт, затем – как я подкупаю Кэмбелла, чтобы тот защищал меня от команды, а затем – как я ломаю двигатель на корабле. Последним я увидел странное существо гигантских размеров со змеиным телом, крокодильей головой и парой рудиментарных изодранных крыльев, которое неподвижно висело в воздухе – спало. И Оно хочет, чтобы я разбудил его, освободил от плена этого храма, этой океанской тюрьмы. И как только я проснулся, я понял, что со мной произойдет и принялся за написание этих хроник событий, что и привели нас всех к тому, что может произойти через несколько минут, когда я потеряю контроль.

Нет ничего странного в том, что мне не страшно. Теперь я вообще не испытываю никаких чувств, и нет больше ничего, что позволило бы мне напоследок насладиться памятью о моей прошедшей жизни, которая до последнего времени была хорошей, богатой и счастливой. Я уже не помню своего имени, не помню, как я тут очутился, и только назойливый голос в голове требует, чтобы я, использовав медальон, освободил Его. И я это сделаю, потому что это не моя жизнь. Дьявольский смех, который я слышу, дописывая эти заметки, принадлежит именно мне. Так что сейчас я тщательно облачусь в водолазный костюм и смело отправлюсь вверх по громадным ступеням в древний храм, дабы Он наконец-то обрел свободу после неисчислимых лет на неизмеримой морской глубине.

Я не знаю, останется ли эта бутылка в океане или будет найдена кем-то. Если ее найдут, то наверняка ее используют, как работу в каком-то литературном конкурсе, и не поверят во все то, что тут написано. Решат, что это написал безумец. Однако мое последнее дело выполнено, и больше я ничего не могу, ибо контроль утерян. Теперь я готов первым познать эту тайну Ужаса из глубин, что скрывалась... нет, спала на дне океана миллиарды лет...